

СТАРОЕ ВИНО И НОВЫЕ МЕХА? Л. И. ПЕТРАЖИЦКИЙ И ДИНАМИЧЕСКОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ

А. В. СТОВБА*

Стовба Алексей Вячеславович,
д-р юрид. наук,
Харьковская областная
коллегия адвокатов

Статья представляет собой анализ соотношения психологической теории права Л. Петражицкого и современных концепций динамического правопонимания, существующих на постсоветском пространстве. Автор выдвигает гипотезу о том, что между данными концепциями и теорией Л. Петражицкого существует скрытая преемственность на уровне постановки философско-правовой проблематики и ряда выдвигаемых идей. Для обоснования данной гипотезы автор вначале анализирует ключевые особенности динамического правопонимания, среди которых он выделяет стремление дереифицировать право, преодоление дихотомии сущего и должного, реляционность права, акцент на его человекомерности, а также нарративность методологии. Также ядро динамического правопонимания составляет динамически-дискретная онтология права, когда право не существует постоянно в некоем идеальном измерении, но воспроизводится в ходе человеческого

бытия друг с другом. Затем осуществляется переход к рассмотрению некоторых идей Л. И. Петражицкого, среди которых следует отметить сомнение в абсолютном бытии права, акцент на эмоциональной проективности прав и обязанностей и, как результат, латентный приход к дискретности права. В итоге автор приходит к выводу о том, что между психологической теорией права и идеями динамического правопонимания существует несомненное сходство, которое можно объяснить лишь принадлежностью к общей правовой традиции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: психологическая теория права, динамическое правопонимание, динамически-дискретная онтология права, правовые эмоции, правовая традиция.

STOVBA A. V. OLD WINE AND NEW WINE SKINS? L. I. PETRAŽYCKI AND DYNAMIC UNDERSTANDING OF LAW

In the following article the author tries to research the relations between L. Petrażycki's psychological theory of law and modern concepts of the dynamic understanding of law in the former Soviet Union. The core of the research is the hypothesis that there is a latent inheritance between L. Petrażycki's theory and some studies of the contemporary

* Aleksey V. Stovba — Dr. Sci. in Law, Kharkov regional attorney college.

E-mail: stovba34@mail.ru

© Стовба А. В., 2017

УДК 340.12

Russian-speaking legal philosophers at the level of the legal-philosophical issues and certain ideas. To establish these facts, the author considers the specific character of the dynamic understanding of law, such as dereification of law, overcoming the Being-Due dichotomy, relativity of law, its focus on the human dimension, as well as the narrative of the methodology. Moreover, the dynamical-discrete legal ontology also constitutes the core of the dynamic understanding of law. According to it, the law does not exist in a certain ideal dimension, but is rather reproduced within the persons' being with others. Then, the author researches some specific notions of the psychological theory of law, for example, doubts in the absolute legal Being, focus on the emotional projectivity of rights and duties, and the hidden transition to the discrete forms of law. The author's conclusion is that the psychological theory of law is quite similar to some ideas of the dynamic understanding of law which is based on their belonging to the common legal tradition.

KEYWORDS: psychological theory of law, dynamic understanding of law, dynamic-discrete ontology of law, legal emotions, legal tradition.

На протяжении нескольких последних лет на постсоветском пространстве развернулся ряд дискуссий о соотношении философии права и общей теории права, классическом и неклассическом правопонимании, философско-методологическом потенциале новейших учений о праве и т. п.¹ Несмотря на видимое различие предмета данных обсуждений, следует предположить наличие их общего проблемного вектора. Вкратце его можно определить так: что нового способны привнести неклассические правовые учения в корпус идей правоведения? Иными словами, являются ли «неклассики» своеобразными «экстремистами», безоглядно отрицающими всю предшествующую правовую мысль? Или же «мошенниками», которые, «переливая старое вино в новые меха», всего лишь маскируют философской терминологией банальности классической теории права? Либо же, наконец, неклассическое правопонимание представляет собой закономерный этап развития правовой мысли, когда, сохраняя преемственность с предыдущими учениями, неклассика пытается по-новому ответить на те проблемы, которые не смогла решить предшествующая философия права?

Ответить на данные вопросы мы попытаемся на материале психологической теории права Л. Петражицкого. Гипотеза, которая выдвигается в настоящей работе, состоит в следующем. Как мы уже неоднократно утверждали, специфику неклассической правовой мысли на постсоветском пространстве, в отличие от ее западных аналогов, можно выразить таким термином, как «динамическое правопонимание»². Соответственно, далее постараемся показать, что динамическое правопонимание возникло не на

¹ Обсуждение проблемы с точки зрения классического правопонимания см., напр., в: *Мартышин О. В.* Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6, С. 20–30. — О неклассическом понимании см. прежде всего: *Неклассическая философия права: вопросы и ответы: коллективная монография / под ред. А. В. Стовбы.* Харьков, 2013.

² См. прежде всего: *Стовба А. В.* Темпоральная онтология права. СПб., 2017. С. 209 и сл. — См. также предисловие редактора к: *Неклассическая философия права:*

пустом месте, но органически вобрало в себя проблемные узлы тех учений о праве, которые существовали в пространстве русскоязычной философии права ранее, в частности в психологической теории права Л. И. Петражицкого³.

Данной гипотезой определяется и ход последующего изложения. Вначале вкратце будет обрисована специфика динамического правопонимания, а затем будут изложены некоторые идеи Л. И. Петражицкого, после чего станет возможным проследить преемственность философско-правовой проблематики между ними.

Как уже было сказано ранее, динамическое правопонимание представляет собой собирательное наименование для ряда оригинальных, самостоятельных учений о праве, возникших на протяжении двух последних десятилетий на постсоветском пространстве. К ним следует отнести прежде всего феноменолого-коммуникативную теорию права А. В. Полякова, диалогическую онтологию права И. Л. Честнова, либертарно-институциональную теорию права В. А. Четвернина, концепцию правовой реальности С. И. Максимова, а также разрабатываемую нами темпоральную онтологию права⁴. Принципиальная новизна данных подходов состоит прежде всего в разработанной ими оригинальной онтологии права. Так, в отличие от классического правоведения — как юснатурализма, так и юспозитивизма, которые полагали, что права не может не быть, что право существует постоянно (*континуально*) и может быть лишь нарушено, — упомянутые правоведы считают, что право существует *дискретно*, воспроизводясь в ходе социальной практики. Представители динамического правопонимания по-разному идентифицируют закономерности воспроизводства права: как правовую коммуникацию (А. В. Поляков), правовое происшествие (А. В. Стомба), правовой диалог (И. Л. Честнов), правовой институт (В. А. Четвернин), динамическую структуру правовой реальности (С. И. Максимов). Вместе с тем общей для всех них является убежденность в том, что право не существует «само по себе», беспрепятственно переходя из предыдущего промежутка времени в последующий, но «вопросительно выдержано в возможности небытия» (М. Хайдеггер), постоянно рискуя не воспроизвестись и находясь в онтологической зависимости от межчеловеческого общения. Таким образом, право из «реифицированного» явления естественного либо позитивного права превращается в динамический, процессуальный феномен — правовое происшествие, правовую коммуникацию, правовой диалог и т. п. Поэтому можно сделать вывод о том, что право, согласно представлениям упомянутых правоведов, изначально существует не налично-*континуально*, как идея, закон, основная норма,

вопросы и ответы. Харьков, 2013; Стомба О. В. Динамічне праворозуміння: онтологія і методологія // Право України. 2014. № 1. С. 120–125.

³ Термин «русскоязычное правоведение», на наш взгляд, есть удачное решение для идентификации правовой мысли на постсоветском пространстве, в том числе в до-революционный период.

⁴ Также, на наш взгляд, к динамическому правопониманию можно отнести и работы И. Д. Невважая, В. И. Павлова, Ю. Е. Пермякова.

но динамически-дискретно, воспроизводясь в ходе отношений между людьми. Как указывает И. Л. Честнов, именно *экспликация механизма воспроизводства права — главный показатель научной новизны неклассики*⁵.

Тем самым в качестве общих черт динамического правопонимания можно назвать следующие.

Во-первых, это убеждение в том, что право не может быть априорно отождествлено с каким-либо сущим, а тем самым и отказ от реификации (овеществления) права. Поэтому общим для динамического правопонимания можно считать метафорическое утверждение о том, что «права как такового не существует» (А. В. Поляков) в том смысле, что это слово «не имеет постоянного эмпирического референта» (С. И. Максимов).

Во-вторых, это преодоление классической дихотомии сущего и должного, когда право как онтологически-смысловой механизм его воспроизводства (диалог, коммуникация, происшествие) является составляющей отношений между людьми, а не отделенным от них должным. При этом отказ от абсолютного должного означает не *релятивизм права*, а его *реляционность*, т. е. относительность, хотя и не абсолютную, к иным социальным явлениям и обществу в целом (И. Л. Честнов).

Отсюда следует и третья черта динамического правопонимания — рассмотрение права как социального явления, поиск онтологических истоков права во внешних по отношению к нему феноменах, прежде всего в совместном существовании людей.

А потому, в-четвертых, поскольку право как происшествие его воспроизводства не может происходить само по себе, а лишь посредством людей, еще одним признаком динамического правопонимания является акцент на «человекомерности» права, на том, что право не может существовать вне отношений между людьми.

Наконец, в-пятых, вследствие отказа от реификации права и рассмотрения его как дискретного явления, онтологически укорененного в процессах диалога, коммуникации, событийности и пр., методологической особенностью динамического правопонимания выступает установка на нарративность, стремление сконструировать ту «динамическую смысловую метафору» (коммуникацию, событийность, диалог), которая в наибольшей мере была бы способна адекватно выразить событие воспроизводства права.

Переходя к учению Л. И. Петражицкого, следует отметить, что элементы как неклассики в целом, так и динамического правопонимания в частности представляют собой своеобразные «слепые пятна» его теории, которые, хотя и не акцентируются самим ученым, являются тем методологически-мировоззренческим «фоном», который делает возможной саму постановку проблем психологической теории права.

Первой среди подобных установок, близких динамическому правопониманию, следует назвать отрицание догматической убежденности в по-

⁵ Честнов И. Л. Научная новизна постклассической юриспруденции // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2. С. 13.

стоянном существовании права, характерной как для позитивистов, так и для сторонников естественного права. Как пишет сам Л. И. Петражицкий, «представление соответственных законов как чего-то вечно и неизменно существующего где-то, как бы в высоких, находящихся не только над людьми, но и над богами сферах мирового пространства — ...весьма интересные иллюстрации того... что этические обязанности и нормы вообще представляют не реальные, а идеологические, фантастические величины, эмоциональные проекции»⁶. Иными словами, «непонятно, как реально существуют обязанности (производными от которых Петражицкий считает права. — А. С.), хотя это по сути всего лишь эмоциональная проекция»⁷.

Другими словами, подобно сторонникам динамического правовопонимания, Л. И. Петражицкий видит отправную точку для собственной позиции прежде всего в «онтологической аморфности» как правового позитивизма, так и юснатурализма, безосновательно реифицирующих «идеологические», «абстрактные» по своей сути концепты прав и обязанностей, не видящих их реальной бытийной подоплеки, которую, по мнению ученого, как раз и составляют психологические переживания, эмоции. Как пишет сам Л. И. Петражицкий, «в прежние века философы, моралисты и юристы верили в существование всеобщих, вечных и неизменных обязанностей и норм; теперешние в это не верят, они верят лишь в существование временных и местных обязанностей и норм... Оба учения, и старое и новое, ненаучны, некритичны в том отношении, что оба они исходят из реального существования обязанностей и норм и не знают тех реальных, действительно имеющих место в их же психике процессов, под влиянием которых эти вещи представляются где-то существующими»⁸.

Таким образом, как можно видеть, Л. И. Петражицкий, упрекая как предшественников, так и современных ему правоведов в некритичном, догматическом постулировании континуального «реального бытия» прав и обязанностей, видит эвристический потенциал собственной теории права именно в том, что она позволяет сконструировать более реалистичную систему представлений о бытии права как укорененном в психике человека. По его словам, «нравственные и правовые нормы и обязанности представляют... не нечто, существующее реально и объективно вне психики индивидов, отрицающих их существование, и независимо от них, а отражения и выражения (проекции), субъективных психических состояний этих индивидов, обязанности или нормы, существующие или “несомненно” существующие, по мнению одних, могут не существовать или иметь иное содержание, по мнению других, и какая-либо объективная проверка... не может иметь места»⁹. В данном случае, разумеется, речь не идет о банальной «субъективации» либо «релятивизации» права, но о том, что независимо от содержательной изменчивости права неизменной остается

⁶ *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. С. 46.

⁷ Там же. С. 43.

⁸ Там же. С. 48–49.

⁹ Там же. С. 171.

онтологическая — эмоционально-психическая — составляющая, которая представляет собой сочетание императивных и атрибутивных эмоций. По словам Л. И. Петражицкого, «специфическая природа явлений права... коренится не в области интеллектуального, а в области эмоционального, импульсивного в нашем смысле их состава»¹⁰. При этом ученый отстаивает первичность обязанностей перед правами, утверждая, что правовые обязанности, долги одних, закрепленные за другими, рассматриваемые с точки зрения той стороны, которой долг принадлежит, мы, с точки зрения актива, будем называть правами. Наши права суть закрепленные за нами, принадлежащие нам как наш актив долги других лиц. Права и правоотношения в нашем смысле не представляют, таким образом, чего-то отдельного и отличного от правовых обязанностей¹¹.

Здесь мы вновь сталкиваемся с «непрозрачным комплексом идей» Л. И. Петражицкого, которые роднят его с динамическим правопониманием. Так, ученый утверждает первичность эмоции обязанности по отношению ко всем прочим правовым феноменам (правам, правоотношениям и пр.). Однако в силу чего в сознании возникает правовая эмоция обязанности, долга? Как уже было сказано ранее, в рамках психологической теории как права, так и обязанности представляют собой психологические проекции. Сам Л. И. Петражицкий отмечает, что императивы, императивные нормы означают проекции, в основе которых лежат моторные возбуждения. Все императивные, моторные раздражения представляют бланкетные, абстрактные импульсии¹². Тем самым правовые эмоции возникают в сознании не произвольно, но как ответ, реакция на некий внешний раздражитель. Можно предположить, что подобным раздражителем является реальная или воображаемая ситуация нанесения ущерба. Отнюдь не случайно, как отмечает Л. И. Петражицкий, во всех доступных ему языках (а таких приводится не один десяток) первичным правовым феноменом выступает долг, понимаемый как повинность¹³. Этот феномен является не банальной констатацией наличного правоотношения, но свидетельством того, что между лицами вследствие определенных обстоятельств возникает связь, «в силу которой в некоторых случаях этического сознания то, к чему мы себя считаем обязанными, представляется нам причитающимся другому как нечто ему должное, следующее от нас, так что он может притязать на соответственное исполнение с нашей стороны... В других случаях этического сознания... то, к чему мы себя считаем обязанными, не представляется нам причитающимся другому как нечто ему должное, следующее ему от нас, и соответствующее притязание, требование с его стороны представлялось бы нас неуместным»¹⁴. Тем самым реальное существование права в психике человека по сути оказывается зависимым от внешнего случая, который стимулирует возникновение в психике лица

¹⁰ Там же. С. 83.

¹¹ Там же. С. 51.

¹² Там же. С. 44.

¹³ Там же. С. 51 и сл.

¹⁴ Там же. С. 49.

соответствующей обязанности и, как следствие, всего комплекса правовых явлений. И в этом тезисе явно прослеживается сходство психологической теории права с динамическим правопониманием, когда правовая релевантность тех либо иных явлений не присуща им самим по себе, имманентно, но обусловлена их «реляционностью», вовлеченностью в некое событие, внешнее по отношению к ним, — в правовую коммуникацию (А. В. Поляков), диалог (И. Л. Честнов), происшествие (А. В. Стовба) и т. п.

Однако в силу чего в одних случаях в сознании возникают эмоции императивные, а в других — императивно-атрибутивные? Существует ли какая-то закономерность, «смысловой алгоритм» между внешними раздражителями и соответствующими эмоциями? Сам Л. И. Петражицкий в данном случае ограничивается указанием на то, что «существуют эмоции, которые могут служить побуждением к любому поведению, а именно они побуждают к тем действиям, представления коих переживаются в связи с ними. Такие эмоции мы называем условно абстрактными или бланкетными эмоциями»¹⁵. «В виде общей формулы, определяющей действия эмоции со специальными акциями — для краткости назовем такие эмоции специальными импульсиями, специальными эмоциями, можно установить положение: специальные импульсии имеют тенденцию превращать организм (индивидуальный психофизический аппарат, вообще годный для производства многих и весьма различных действий) *на время* (курсив мой. — А. С.) в аппарат, специально приуроченный к исполнению определенной биологической функции и действующий в этом направлении»¹⁶. Напомним, что импульсиями, или эмоциями, Л. И. Петражицкий именует все явления человеческой и животной психики, имеющие указанную двустороннюю, пассивно-активную природу¹⁷.

Здесь, как можно видеть, ученый уже осуществляет неявный, скрытый переход к ядру динамического правопонимания — учению о дискретности бытия права. Ведь если реальное бытие права составляют двусторонние, императивно-атрибутивные импульсии, вызванные внешними побуждениями и служащие основой для соответствующего человеческого поведения, мы обратим внимание на то, мимо чего прошел сам Л. И. Петражицкий: подобные эмоции не составляют *постоянного, континуального содержания психики человека. Но в таком случае и бытие права, локализованное в человеческом сознании в виде соответствующих импульсий, также оказывается окказионально-дискретным*. Другими словами, сам Л. И. Петражицкий отмечает, что под влиянием соответствующих эмоций организм лишь *на время* превращается в «аппарат» для исполнения определенных функций. Тем самым, когда на смену переживаемым правовым эмоциям приходят эмоции любви, голода, страха, восхищения и т. п., право *исчезает*, поступаясь местом соответствующим феноменам, а затем — при условии наличия соответствующих внешних раздражителей — может воз-

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Там же. С. 8–9.

¹⁷ Там же. С. 3.

никнуть вновь, на время задавая правовую размерность человеческому поведению и всему комплексу связанных с этим явлений.

Аналогичным образом и все остальные перечисленные особенности учения Петражицкого — критика теорий «абсолютного» бытия как естественного, так и позитивного права, утверждение об «идеологичности», «фантомности» и «проективности» субъективных прав и обязанностей, поиск истока правовой релевантности явлений не в них самих, а также не во внешней воле (государства, Бога и т. п.), а в антропологической плоскости, утверждение об онтологической первичности долга (вины, ущерба) — в полной мере позволяют отнести петербургского правоведа к предшественникам динамического правопонимания и выдвинуть новую гипотезу: нельзя ли объяснить специфику динамического правопонимания социально-исторически, предположив, что она обусловлена в значительной мере «непрозрачным комплексом проблем» отечественной правовой традиции в целом?

Вместе с тем Л. И. Петражицкий не только не дает ответа, но и не ставит вопроса о том, существует ли какая-то закономерность между «внешними» раздражителями и «внутренними», психологическими реакциями на них. Другими словами, если право впервые существует в виде императивно-атрибутивных эмоций, то возникают ли эти эмоции произвольно, исходя исключительно из особенностей психики их носителя, ее социально-культурного содержания, либо же можно построить некий внешний «динамический смысловой алгоритм», «запускающий» правовое содержание сознания, направляющий наши мысли, чувства, эмоции на право? Представляется, что на этот вопрос — и именно в этом и заключается упомянутая преемственность — как раз и ищет ответ современное динамическое правопонимание, которое выводит право за рамки субъективного содержания психики либо трансцендентального правового произвола сознания, укореняя право в нашем совместном бытии друг с другом (интерсубъективность — А. В. Поляков, С. И. Максимов, полисубъектность — А. В. Стовба, триалогичность — И. Д. Невважай, диалог — И. Л. Честнов). Тем самым императивно-атрибутивные правовые проекции Л. И. Петражицкого уже не являются первичными правовыми феноменами, но, в свою очередь, оказываются детерминированными правовой коммуникацией, диалогом, происшествием, встраиваясь в разрабатываемый динамическим правопониманием механизм воспроизводства права. Отсюда можно предположить, что именно в этом движении вглубь права, когда данный предшественниками ответ не отбрасывается, но является необходимой остановкой на пути дальнейшего погружения в первореальность права, и состоит смысл всякой правовой традиции.

Литература

Мартышин О. В. Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6. С. 20–30.

Неклассическая философия права: вопросы и ответы: коллективная монография / под ред. А. В. Словбы. Библиотека журнала «Проблемы философии права». Харьков, 2013. 272 с.

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Типография товарищества «Екатерингофское Печатное Дело», 1909. 318 с.

Словба А. В. Темпоральная онтология права. СПб.: Алеф-пресс, 2017. 355 с.

Словба О. В. Динамічне праворозуміння: онтологія і методологія // Право України. 2014. № 1. С. 120–125.

Честнов И. Л. Научная новизна постклассической юриспруденции // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2. С. 7–15.

References

Chestnov I. L. Nauchnaia novizna postklassicheskoi iurisprudentsii [The Scientific Innovation of the Post-classics Jurisprudence]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniĭ* [Russian Magazine of the Legal Researches], 2016, no. 2, pp. 7–15. (In Russian)

Martyshyn O. V. Ob osobennostiakh filosofsko-pravovoi metodologii [About the Specific of the Legal-philosophical Methodology]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2016, no. 6, pp. 20–30. (In Russian)

Neklassicheskaiia filosofiiia prava: voprosy i otvety: kollektivnaia monografiia [Non-classic Philosophy of Law: Questions and Answers. Collective monograph]. Ed. by A. V. Stovba. The Library of the magazine “The Issues of the Legal Philosophy”. Kharkov, 2013. 272 p. (In Russian)

Petrażycki L. I. *Teoriia prava i gosudarstva v sviazi s teoriei nraivstvennosti* [The Theory of the State and Law in the Connection with the Theory of Morality]. St. Petersburg, Ekateringofskoye pechatnoe delo Publ., 1909. 318 p. (In Russian)

Stovba A. V. *Temporal'naia ontologiia prava* [The Temporal Ontology of Law]. St. Petersburg, Alef-press Publ., 2017. 355 p. (In Russian)

Stovba O. V. Dinamichne pravorozuminnia: ontologiia i metodologiia [Dynamic Understanding of Law: Ontology and Methodology]. *Pravo Ukraini* [Law of Ukraine], 2014, no. 1, pp. 120–125. (In Ukrainian)